

Россия и эмиграция

Замечания автора, будучи до известной степени справедливы, в применении к части эмиграции, неприменимы к эмиграции целиком.

Соприкосновение с широкими массами рядовой эмиграции во время поездок неизменно оставляет впечатление большой духовной силы, ясности и трезвости в оценках, как своего эмигрантского положения, так и своего значения в грядущем строительстве России.

Сделанная оговорка, однако, ни в какой степени не умаляет ни силы приводимых автором наблюдений, ни назревшей необходимости все чаще и глубже возвращаться к поставленным автором вопросам — все ли благополучно у нас в духовном отношении. Статья приобретает тем больший интерес, что автор ее окончил советскую школу и в эмиграции находится сравнительно недавно.

Часто в эмиграции, а за последнее время и в Движении, поднимается вопрос о наших путях и о нашем служении в России. В тех или иных формах, но все же большинство эмиграции представляет себе наше возвращение чрезвычайно триумфальным. Разница лишь в знаменах, под которыми мы вернемся, но почти все уверены, что нас встретит с хлебом-солью благодарное население. Не надо себя баюкать иллюзиями. Не надо закрывать глаза на то, что эмиграция в России не популярна. Глубокая ошибка думать, что мы чем-то особенно нужны России и ее населению, что без нас они не проживут. Говорят, что все «сливки», вся соль России в эмиграции — это тоже не так: во-первых, не вся интеллигенция эмигрировала, а, во-вторых, там теперь выросла новая интеллигенция, свои спецы и пр., и они в нас не нуждаются. Надо ясно помнить, что, наоборот, мы нуждаемся в России, и в этом все дело. С чем мы к ним вернемся? Что мы им привезем? Сто мы им ответим на вопрос — что мы сделали для них и для России за долгие годы эмигрантства? — Праздновали юбилеи с банкетами, танцевали чарльстон и с утра до вечера грызли друг друга и окружающих. Принято говорить, что эмиграция крепнет, а на самом деле она разваливается: часто натурализуется

и теряет русское подданство, часть принимает другие религии и вероисповедания, или же входит в различные секты.

Итак, бесконечные партии и политические группировки распадаются на массу новых, грызущих друг друга. Русские дети теряют язык, теряют всякое представление о своей родине, Православии и, несмотря на все усилия педагогов и людей, посвятивших себя этому делу, только малая часть эмигрантских детей посещает воскресные и четверговые школы. В России сейчас имеются большевистская партия и одна партия «не большевиков». А у нас? Этот ли мир и тишина, которые мы обещаем русскому народу по возвращении? Говорят, что у нас силен дух Церкви, но и в этом есть ошибка. Действительно ли в жизни эмиграции Церковь стоит на высоком месте? Мне говорят: церкви переполнены. Но, во-первых, для молитвы ли ходят в церковь все те лица, которые своими разговорами и своим смехом мешают молящимся, а, во-вторых, посмотрите, какое количество народу бывает в церкви на святой заутрени, когда приходят по традиции даже неверующие, и вы увидите, какое малое количество народу бывает обычно; а ведь даже на Пасху в церковь приходят не все: кто дома занят, а кто предпочитает встречать Светлый Праздник в ресторанах или на балах. Можно ли говорить о нашей высокой духовности, когда мы, русские, устраиваем балы Великим постом и пляшем танцы, не одобряемые св. Церковью и нашими пастырями, даже в субботу на 3-й неделе, в момент выноса Креста. Я помню, даже пребывание в советской школе не мешало нам не ходить на балы во время Великого Поста. В связи с безбожной, антирелигиозной властью в России, как неизбежная реакция, проснулось сильное религиозное движение, влечение к Богу и к Церкви, и, мне кажется, что в этом русские, оставшиеся в России, еще скорее могут нам помочь, чем мы им чем-нибудь поможем. мы можем им привести с собой национализм, любовь к России, но ведь это и у них есть, ведь даже комсомольцы по-своему любят родину. вся наша беда заключается в том, что мы не скоро сможем понять и привыкнуть друг к другу. Уже получая письма оттуда, чувствуешь некоторое отдаление друг от

друга. Во многом мы их не понимаем, а во многом они нас не понимают. Когда приходится встречать близких и родных, приехавших из России, почти все в один голос говорят: «Какая у вас эмиграция бессодержательная, какие вы узкие, какие вы замаринованные». И все это ярые антибольшевики. Недавно мне рассказывал один эмигрант-профессор, что к ним приехала погостить из русской провинции жена старого священника. Он говорит: «Я поразился широтой ее взглядов, ее непосредственностью и чувствовал себя таким заядлым старорежимником, не понимающим того, что происходит в мире». (разумею, конечно, не большевистскую революцию, а повсеместное духовно-церковное возрождение.) А это еще один из наиболее терпимых наших профессоров. Эта провинциальная матушка являет собой образ не большевиков или «большевитствующих», а именно той новой интеллигенции, с которой, рано или поздно, нам придется иметь дело. Общего у нас с ней очень мало: нравы, язык, привычки, интересы, взгляды, — все изменилось у них в связи с их жизнью — у нас — под влиянием нашей, и найти общий язык будет трудно. И несмотря на это, есть одно место, где мы все будем чувствовать себя братьями, сыновьями одной «Единой Неделимой». Это в храме Божьем. Уже и сейчас здесь, в ЦЕРКВИ ТОЛЬКО, стоят рядом правый с левым, кирилловец с николаевцем. Думаю и уверен, что тоже будет и там. Когда мы там, рядом с ними, будем так же читать «Отче наш», когда будем вместе возносить свои молитвы к Престолу того же Творца, тогда все преграды будут преодолены. ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ ЦЕРКОВЬ мы найдем общий язык с ними, ибо могут быть два национализма, но не может быть двух православий, только в церкви мы простим друг другу все недоверие, и все, что мы друг на друга имеем, ибо то, что не простит даже русский — русскому, то простит истинный православный христианин другому христианину. Только в Церкви снова мы станем друг другу близки. Вспомните слова Апостольские: «А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далекими, стали близкими Кровью Христовой».

Среди русского населения растет сильный православный дух. Мы должны достичь того же среди эмиграции. Мне могут сказать, что я пристрастен, но мое глубокое убеждение, что только Русское христианское студенческое движение способно это сделать с помощью наших архипастырей, пастырей и руководителей. Наш долг, дело Движения, перед Церковью и Россией — привлечь к Церкви эмиграцию, мы должны сделать ее духовнее, а для этого должны повисить свой собственный дух. Не надо бросаться на вещи посторонние, разбрасываться и пытаться спуститься на землю. Надо, наоборот, собрать, сконцентрировать свои духовные силы, как на наших конференциях и прилагать все усилия, чтобы делать нашу жизнь более духовной, более церковной. Не надо бояться излишней оторванности от земли и земного, не надо бояться даже библейских кружков. Разве может быть ненужно и нереально изучение Слова Божия. А если это нереально и неинтересно с обывательской точки зрения, то надо ее победить в себе. Сколько членов насчитывает Движение? Сколько русских всего за рубежом? Мы должны привлечь их всех к Богу и к Церкви, мы должны войти глубже в самих себя и найти в себе силы показать ВСЕЙ ЭМИГРАЦИИ красоту нашей святой Православной Церкви. не надо забывать, что почти единственное, что мы сделали не только для себя, но и для родины и для Церкви, это наши храмы, Сергиевское подворье, Богословский институт, построенные усилиями наших архипастырей и руководителей, а также наших друзей и нас самих. Думаю, что и вперед мы можем приносить пользу нашей дорогой родине только в этой области. Все, что сейчас мы можем сделать для Церкви и для России, это — распространять веру Христову среди русских и иностранцев, показывать им Православие и зарождать у них интерес к нашей Церкви. Еще раз повторяю, что только через служение церкви может быть и служение России. В этом должно быть наше главное отличие от большевиков. Вспомним слова Псалма, который нам напоминает мартовский № Вестника: «Аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущии». так давайте же только в Господе и с Господом трудиться над созданием всем

нам дорогого дома, горячо всеми нами любимой России. Все это не является моей ни на чем не основанной фантазией, все это выводы, сделанные на основании пережитого, переписки с эмиграцией и с советской Россией, а также на основании многих разговоров с эмигрантами и с приезжающими из России.

Конечно, и нам здесь тяжело, но не надо забывать, что им там много тяжелее. Все мы страдаем и мучаемся, но все мы найдем успокоение и избавление только у Того, Кто зовет нас к Себе и говорит: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные, и Аз успокою вы».

Б. Старк

Париж